

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 279–285.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 279–285.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-279-285

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАНТОР В. К. РОССИЯ КАК СУДЬБА.

М.; СПБ.: ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2023. 524 с.

Давид Маркович Фельдман

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru

Ссылка для цитирования: Фельдман Д. М. Рецензия на книгу: Кантор В. К. Россия как судьба. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 524 с. // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 279–285. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-279-285.

Academic Life. Reviews

BOOK REVIEW: KANTOR, V. K. RUSSIA AS FATE.

M.; ST. PETERSBURG: CENTER FOR HUMANITARIAN INITIATIVES, 2023. 524 P.

David M. Feldman

The Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru

For citation: Feldman, D. M. (2023) “Book review: Kantor, V. K. Russia as Fate. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2023. 524 p.”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 279–285. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-279-285.

З аглавием этой книги обозначен ее пафос. Автор — отнюдь не сторонний наблюдатель, анализирующий проблемы отечественной культуры. Парадоксальным образом, но весьма эффективно сочетаются в его методологии принципы вненаходимости и включенного наблюдения.

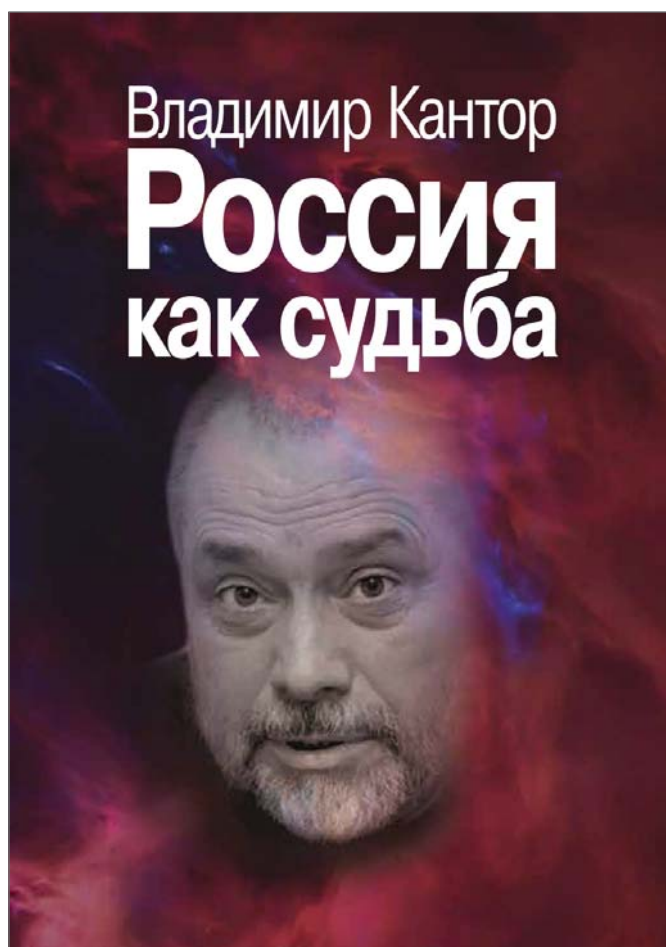
Родился Владимир Карлович Кантор в 1945 году, окончил филологический факультет Московского государственного университета. Ныне — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога.

Еще на исходе 1970-х годов каждая его публикация становилась интеллектуальным событием в стране. Разумеется, Кантору тоже приходилось лавировать, обходя цензурско-редакторские требования, но он умел не уступать в главном. Так что результаты неизменно вызвали традиционный отечественный вопрос относительно причин, в силу которых удавалось напечатать считавшееся «идеологически непроходимым».

После распада цензурной системы нужды в лавировании уже не было. Работы Кантора переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, сербский и другие языки.

Обилие переводов — признак характерный. Стоит также отметить, что в 2005 году, согласно версии журнала «Le Nouvel Observateur», Кантор признан одним из двадцати пяти крупнейших современных мыслителей — «25 grands penseurs du monde entier».

Известности он добился не только в качестве философа и литературоведа. Романы, повести, рассказы, эссе и сценарии Кантора, печатавшиеся в периодике и выходившие отдельными изданиями, тоже вызвали читательский интерес не только на родине автора. При всей беллетристической выверенности и яркости этих текстов особенность их — акцентированная философичность, чет-

ко обозначенная историософская проблематика. Возможно, такова одна из причин их популярности.

Новая книга Кантора составлена специфическим образом. Девятнадцать тематически автономных глав распределены по пяти разделам, сообразно заранее определенной в каждом случае конкретной публицистической установке. Объединен же весь материал идеей, выраженной общим книжным заглавием.

Книга эта откровенно полемична, однако полемика несводима к утверждению или опровержению неких историософских концепций. Речь идет о тенденциях и закономерностях осмысления российского культурно-исторического пути в соотношении с европейскими традициями.

Любая корректная попытка осмысления истории с необходимостью подразумевает критическое отношение самого осмысляющего к своей позиции, собственному аналитическому инструментарию. Такая установка обозначена во вступительной статье. Не без иронии, но вполне четко: «Как известно, легких эпох нет, но тот, кто рискует взяться за перо, наверно, должен найти себя не во времени, а в сцеплении времен, если хотите, себя в себе. Вопрос в том, как создается наше Я и соответственно наше Слово».

Принципиально важна Кантору идея государственного созидания, противопоставленная различным концепциям ликвидации российской государственности, чем бы они ни обосновывались. Соответственно, герои первого раздела книги — Петр I, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, Н. Г. Чернышевский, В. И. Ленин.

Идея государственного созидания и обусловила полемику автора книги с формировавшими однозначно негативный образ первого русского императора европейскими пропагандистами. К таковым относится, например, и популярный О. Шпенглер. Даже ныне влияние его суждений не стоит недооценивать.

Внимание читателей Кантор акцентирует на крайне важной проблеме глобальной политики. Это специфика пропагандистского обоснования агрессивных внешнеполитических акций. Так, негативные образы Петра I и созданного им государства были важными аргументами, обосновывавшими попытки европейских правительств оправдать военные конфликты с Российской империей. В общем, уменьшить количество политических игроков мирового уровня.

Нет нужды доказывать, что проблема актуальна и ныне. Потому в интерпретациях Кантора жестко разделены высказывания сторонников реформирования государственного устройства и требовавших разрушения отечественной государственности.

Пропагандистским суждениям о Петре и его империи противопоставлены мнения авторитетных историографов и философов, причем не только отечественных. На основе анализа их трудов и формулируется базовый тезис: первым русским императором была создана великая держава, с которой «удивленной Европе пришлось считаться...».

Петровской энергии государственного созидания противопоставлена ленинская, ориентированная на разрушение государства, причем любой ценой. Такое противопоставление иллюстрируется многочисленными примерами.

С доводами автора книги можно, конечно же, спорить. Однако бесспорно, что большевистский лидер, обосновавший концепцию ликвидации русского государства, от нее отказался, придя к власти.

Кантор — противник традиционных пропагандистских экстраполяций исторических условий одной эпохи на другие. Такие приемы, по его словам, уместны разве что на уровне художественной литературы. Вывод формулируется жестко: «Петр строил государство, Ленин — тоталитарную деспотию. Нельзя историей XX века подменять петровскую историю, говоря об их похожести».

Сквозная тема книги — «русско-европейский интеллектуальный диалог». Потому и наследию Карамзина уделено особое внимание. В первую очередь — «Письмам русского путешественника».

Наиболее подробно анализируются публицистические установки этой книги, сразу же ставшей, можно сказать, бестселлером. Так, подчеркнута:

Напомню, что до Карамзина европейские путешественники описывали дикую Россию как вариант белой Африки. Карамзин совершил ментальный, почти коперниканский переворот. Он описал со всем уважением европейский Запад, но это уважение покоилось на понимании себя как русского, который не ниже европейца. Европа перестала быть центром, вокруг которого вертелось человечество, хотя и оставалась весьма важным моментом исторической жизни.

Согласно Кантору, логическим развитием публицистических установок Карамзина стала «История государства Российского». Создавалась она, разумеется, в соотнесении с европейской историографией, что и обусловило имплицитную полемику.

Эффект карамзинского труда в России Кантор анализирует в контексте пушкинских и чаадаевских суждений. Разумеется, не избегая полемики с хрестоматийно известными досоветскими, советскими и постсоветскими публицистическими концепциями.

Не без иронии характеризуется так называемая народоцентричность отечественной либеральной публицистики. Кантор последовательно утверждает важный в его историософской концепции тезис: «Пушкин вполне осознавал ужас народной молвы, ее неумение мыслить и архетипическую неблагодарность».

Но, по Кантору, связь Пушкина именно с либеральной традицией тоже важна. Это и обозначено хрестоматийно известной цитатой из послания цензору, ставшей названием главы в рецензируемой книге: «На поприще ума нельзя нам отступить».

Согласно Кантору, судьбы Пушкина и Чаадаева отчасти схожи. Пусть и по разным поводам, но оба стали жертвой все той же «народной молвы». Одному азартные оппоненты инкриминировали сервизм, другому, с тем же азартом, — ненависть к России. В таком аспекте и рассмотрена история рецепции «Философических писем» и «Апологии сумасшедшего».

По Кантору, трагический отсвет чаадаевской судьбы заметен и в историософской концепции Чернышевского. Споры о его воззрениях на российскую историю продолжаются и ныне, их анализ, разумеется, полемичен.

Стоит подчеркнуть, что Кантор ныне — один из наиболее читаемых исследователей творчества Достоевского. Этой тематике посвящен самый объемный из разделов книги «Россия как судьба».

В ней много нового по сравнению с предыдущими публикациями. Общей же можно считать главную установку, сравнительно недавно характеризовавшуюся автором одной из рецензий на монографию Кантора «Две родины Достоевского: попытка осмысления». Характеристика емкая, хоть и краткая — «распахнутое современности слово».

Речь вновь об интеллектуальном российско-европейском диалоге. Причем в сочетании с иудео-христианским. Именно в этой области, согласно Кантору, особенно велика роль Достоевского: не только классик мировой литературы, но и философ, признанный в этом качестве авторитетными мыслителями.

Как известно, в литературу он вошел благодаря Н. А. Некрасову. При этом единомышленниками писатели не были, наоборот, мировоззренческие противоречия со временем становились все более явными.

По Кантору, имплицитная полемика Достоевского и Некрасова важна именно с точки зрения их общности в отношении к России. Что и доказано посредством критического анализа творчества обоих писателей.

Кроме них герои второго раздела — Данте и Бальзак. Что опять соответствует ряду интерпретаций наследия Достоевского: от «сошествия в ад» до «человеческой комедии».

Со многими интерпретаторами Кантор полемизирует довольно резко. Но это и помогает формулировать принципиально важные тезисы. Так, подчеркнуто: «Для Достоевского зло имеет свою сущность, оно активно и наступательно, но, к сожалению, люди, как правило, не желают, не хотят этого видеть...»

Третий раздел книги посвящен, можно сказать, исходу русских ученых и литераторов из Советского государства — эмиграции, а также причинам отказа от нее. Потому среди героев — Ф. А. Степун, М. М. Карпович, М. Алданов, Е. И. Замятин, И. Г. Эренбург, В. Э. Мейерхольд и многие другие знаменитости.

Речь идет о формировании и опровержении своего рода мифологических концепций противостояния Европы и России. Вот почему итоговый вывод Кантора грустно-ироничен:

Но что есть мифология? Мифология — это вневременная структура, своего рода парадигма бытия, то, что может случиться всегда. Это та страшная возможность, которая так или иначе определяет жизнь человеческого сообщества. А может ли человек ее изменить? На это у меня ответа нет.

Четвертый раздел книги посвящен тем, кто определил судьбу автора. Это семья и друзья.

Прежде всего — отец, Карл Моисеевич Кантор. Двадцатипятилетний боевой офицер окончил философский факультет МГУ, стал известным не только на родине философом, искусствоведом, литературоведом. Неопубликованный фрагмент его книги «Очаговый характер истории» включен в монографию сына.

На протяжении многих лет близкими друзьями автора монографии были математик и правозащитник В. А. Сендеров, основательница дрезденского Немецко-Русского института культуры В. Д. Шелике, выдающийся библиограф Л. М. Турчинский, художник М. М. Светланов, переводчик А. А. Кистяковский, политолог Э. О. Тинн. Главы о них даны в проекции на советскую и постсоветскую историю.

Пятый раздел — статьи о Канторе, обозначающие специфику осмысления его деятельности как философа, литературоведа и писателя. Можно сказать, прием дерзкий, но уместный контекстуально. Среди авторов — А. Г. Гачева, П. С. Гуревич, В. Г. Щукин.

Это, надо полагать, не подведение итогов. Но ведь и Кантор в одном из многочисленных интервью сказал: «Для меня каждая книга итоговая».

Таково отношение автора к своему делу — слову. Читатели же по-прежнему ждут его новую книгу.

Информация об авторе: Давид Маркович Фельдман — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.

Information about the author: David M. Feldman — DSc in History, Professor, Professor of the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the Russian State University for the Humanities. Address: 6 Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 22.07.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.